
ЗАПОВЕДИ БОЖИИ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ

По благословению
епископа Курганского и Шадринского
Михаила

Первая заповедь

Я — Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня

С первой заповедью для православного христианина вроде бы все ясно — я верую, и нет у меня других богов. — Я верую в Пресвятую Троицу, в Господа Иисуса Христа: я знаю, в Кого я верую; никого иного не приемлю и никого другого не ставлю на место Бога. Для всякого верующего Бог есть несомненно, и уже одно это отличает человека, обладающего даром веры — удивительным, если вдуматься, явлением, от великого числа людей, по-своему хороших, добропорядочных, умных, — у которых такого дара нет. Не надо их осуждать за это, Бог даст — они его обретут. Дар веры — это дар Богом Себя, он дожидается человека во всем творении, во всякой вещи, всякий миг. Нет мгновения в нашем бытии, когда Бог «не готов» или занят чем-то более важным. — Напротив, всегда человек «еще не готов»; чтобы принять Его, человеку надо только освободить руки, отложить себя, свою «самость», «эго», «я» — и допустить на это место другое «я» — Я Бога. Мы с легкостью признаем — да Господи, нет у меня другого Бога, кроме Тебя. Но гораздо труднее

признать, что все-таки есть этот другой бог — я сам. Он всё, что я есть, и такой, как есть. Я о себе из тайного лицемерия думаю хуже, чем я есть, но на самом деле я хуже, чем я думаю.

Ничего такого уж трудного не составляет для человека признание Бога. Чем Он величественнее и непостижимее — тем лучше, поскольку все превосходные сравнения Божества настолько превосходны, что как бы взаимоуничтожаются, и тогда Бог для меня — просто Великая Абстракция (так называемый деизм[1]), которую я с готовностью признаю, за что сам себя уважаю. — Бог есть, и слава Богу! — А вообще я ужасно занят; у меня забот полон рот; рук не хватает за всем поспеть: семья, работа, друзья... Отсутствие денег, крыша протекает, зубы болят... Жизнь меня не радует или, напротив, радует; мне интересно жить или очень скучно, жизнь не заладилась... Но при самом худом или при самом хорошем — всюду только я сам, маленький идол в центре своей собственной вселенной. Над ней, этой вселенной, конечно, есть Бог, но в ней Его нет.

В христианстве Бог — Личность, и поэтому так трудно быть христианином. Обычному человеку легче, если Бог — нечто безмерное и неопределенное. И легче, если Бог — известная сумма законов и правил и чтобы угодить Ему, достаточно придерживаться установленного списка. Но поскольку Бог Личность, Он требует от нас не признания Своего наличия и не нуждается в исполнении правил: Он

[1]Деизм (от лат. Deus — Бог) — понимание Бога как безличной первопричины мира. В деизме Бог признается первопричиной и творцом мира, но отвергается Его участие в жизни личности, общества, природы.

ничего не требует и ни в чем не нуждается. Нет закона, согласно которому можно находиться в общении с Богом, кроме закона любви. Так же и в общении со своим ближним нет другого закона. Впрочем, разве Христос не ближний мой? Что возможно ближе, если я принимаю Его в причастии и срастворяюсь с Ним в его человечестве? Бог ближайший мой и сокровеннейший ближний мой. Он ближе мне, чем я сам себе, «а я все еще не умею любить, как самого себя, даже любящего меня» (Апофтегмы. Матой, 5).

И если, исходя из вышесказанного, посмотреть на первую Заповедь: *«Я — Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня»*, в ней можно увидеть то же самое, что: *«отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»* (Мф.16, 24).

Вторая заповедь

Не делай себе кумира и никакого изображения того, что наверху на небе, и что на земле внизу, и что в воде, ниже земли. Не кланяйся им, и не служи им

«Не сотвори себе кумира»... «Кумир» с еврейского буквально значит «резное» (изображение)[1], иначе говоря — идол. В чем смысл этого гре-

[1]Полный церковно-славянский словарь. Сост. свящ. Григорий Дьяченко. М., 1993. С. 275.

ха — сотворения кумира? В том, что нечто (или некто — вспомним, как много людей буквально боготворят актеров, певцов, политиков) приобретает такую власть над душой и сознанием, что становится не только объектом поклонения, но и объектом веры. — Чему (кому) верим, тому и поклоняемся, с тем связываем надежды и упования. И если на здравом уровне мы не делам из чего-нибудь, например, из денег, предмета веры, то тем не менее связываем с ними наши упования. Копить деньги вовсе не плохо и не грех для какой-нибудь насущной жизненной необходимости — приобретения нужной вещи, лечения, образования ребенка... Но если, по мере накопления, смещается цель и все многообразные, возможно, не вполне честные усилия накопления начинают приносить удовлетворение, тешить тщеславие, а накопленная сумма становится величиной, обусловливающей *уверенность*, — налицо сотворение кумира. Свойство идолов (кумиров) в том, что мы их выращиваем сами в себе, дозволяем это в себе. Другое свойство в том, что мы связываем с ними чувства, мысли, надежды, мечты, желания, сердечные движения, которые не должны быть им предназначены, потому что они не могут понести за них ответственности. И третье свойство — идолы всегда лгут. То, что осознанно или неосознанно обожествляется и получает пусть в частном выражении, но предельное значение, рано или поздно горько, а порой трагически — разочаровывает. Отсюда еще одно общее свойство идолов — всех их когда-нибудь свергают.

В практической церковной жизни демаркационная линия второй заповеди пересекается нередко из самых благих побуждений. — Порывистое благоговение перед святыней, или священнослужителем, неистовое желание чуда, взвихренные душевные чувства, жажда обретения идеала, ощущение несказанной благодати на топкой сердечной почве, обильно унавоженной страстями, — обычная питательная среда для образования микробов идолопоклонства. Может быть к счастью, что общая атмосфера в семье, в церковной общине, в обители, в кругу верных последователей духовника — будет здоровой, свежей, проветриваемой во избежание прелести, и возникшие было предпосылки благополучно исчезнут сами собой, постепенно, по мере углубления опыта молитвы, смирения и просто из общего здравомыслия, называемого св. отцами благой рассудительностью. Верующий, особенно новоначальный, чутко реагирует на общий (или средний) знаменатель духовного умонастроения окружающей среды — круга верующих людей, прихода, чад. Всегда, мне думается, надежной защитной мерой против любых симптомов идолопоклонства было и остается следование правилу христианской любви. — «Даже для самой благообразной и правоверной не-любви нет места в святом бытии Церкви»[3]. Христова Любовь *«долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а радуется*

[1] Фудель. С. И. Воспоминания. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 96.

истине» (1 Кор. 13, 4–6). Каждое слово здесь, в перечне апостола Павла требует, чтобы его не только пробежали глазами, а повторили губами, голосом, как бы подержав на весу сознания, дав ему самому спустится на душу. Луч этого отношения не может обмануть. Напротив, там, где оскудевает любовь или когда нечто, пусть даже очень высокое, ставится на место любви, — неизбежно овеществляется всегдашний призрак кумира. И он находит свое воплощение в идее, в имени, в образе, в личности, в правиле, в традиции. Страсть кумиротворения полагает начало расколу, расщеплению (от гр. *schisma*, — схизма, буквально — расщепление) единого тела Церкви. Собираясь вокруг духовника, верующие создают общину-семью вокруг личности того или иного священнослужителя. Предельный опыт смирения, трезвенности, а главное, имение в своем сердце Господа (вспомним для примера святых Оптинских старцев) никогда не позволит подлинному духовнику даже невольно и бессознательно застить собою Христа. «Страшно, когда священник, как бы забывая Христа, на первое место ставит свое "я", начинает приводить людей не ко Христу, а к себе. Поистине это маленький антихрист, покусившийся стать "вместо Христа"»[1]. В церковной действительности можно наблюдать немало всевозможных групп во главе с подобными духовными водителями. Их отличительный признак — отсутствие мир-

[1]Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру, Приходским советам храмов г. Москвы, наместникам и настоятельницам ставропигиальных монастырей на Епархиальном собрании 23 декабря 2003 г. Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 18

ной мудрости (Иак. 3, 17) и следование какой-либо крайности в противовес духу и истине Целого. — Только наш священник (старец, духовник) свят и все его слова «глаголы вечной жизни». Только такое исполнение обрядов, поклонов, уставных правил, заведенных только «у нас», истинно. Только нам открыла старица или старец приметы антихриста и способы предохранения. Только в нашем монастыре или приходе можно спастись, потому что во всех прочих «мерзость запустения». Только так следует одеваться, такие книжки читать, такими вещами и продуктами пользоваться, потому что все остальное «от лукавого». И если священник-духовник не пресекает категорически все эти «только», а благодушествует и даже потворствует, то тем самым бесстыдно творит из себя кумира. И прежде уже поклоняются ему, «старцу», потом уже Богу, слушают только его, живут только им в пьянящей атмосфере идолослужения.

Воздаяние Божеской чести даже Матери Божией и ангелам считается в христианстве грехом против заповеди[1]. Честь, воздаваемая Божией Матери, возводится к Воплотившемуся от Нее, и подобно, в своей мере соответствия образа Первообразу, честь почитания воздается святым угодникам, святыням, иконам[2]... Но даже в некоторых

[1]«Богородице и святым самим по себе нельзя «поклоняться, но только воздавать честь». Более того, образ почитается не сам по себе, поскольку он есть нечто соотносящееся с изображенным предметом. Священнодействия обращены к Первообразу и в этом смысле становятся поклонением. Таким образом, одно и то же священнодействие является и выражением почитания, если оно связано с образом святого, и поклонением, если оно обращено к Богу». Мейендорф Иоанн, прот. Христос в восточном православном богословии. М., 2000. С. 205.

[2]Св. Иоани Дамаскин. Точное изложение Православной веры. М., 1992. С. 144.

периодических изданиях, именующихся «православными», сегодня можно встретить примеры посягательства (иного слова не подберешь) подмены Христа именем того или иного святого, блаженной, страстотерпца. Возникает стихийное (и, как правило, на грани кликушества: караул!) почитание самодеятельных и самочинных псевдоикон Божией Матери. А уже существующим и издревле почитаемым вменяются свойства и способности, не вмещающиеся в рамки ни догматического богословия, ни традиции иконопочитания.

Стоит даже в малой степени сместиться центру поклонения от Господа к кому бы то ни было — к священнослужителю (вменив ему не подобающие свойства), к иконе или святому (вменяя свойство, которое им не может принадлежать[1]; или по праву может принадлежать только Богу), как общине верных грозит опасность обратиться в свою противоположность — в сообщество идолослужителей.

«Рядом с никогда не умирающей жизнью Христовой Церкви в церковной ограде всегда жило зло, и на это надо иметь открытые глаза, надо всегда знать, что «рука предающего Мя со Мною на трапезе». Иоанн Златоуст не боялся осознать и говорить всем о духовной болезни своей местной Церкви. Иоанн Кронштадтский говорил: «Не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа Животворящего. Только по причине прямых противоположностей добра и зла, жизни и смерти — мы узнаем ясно и ту, и другую»[1].

[1] В цитированном выше Обращении Святейшего Патриарха Алексия II об этом в частности говорится: «Некоторые настоятели, руководствуясь меркантильными коммерческими соображениями, совершают церковное поминовение людей некрещеных, принимая массу записок и пожертвований на такое поминовение и уверяя людей, что такое поминовение равносильно Таинству св. Крещения. У людей малоцерковных создается впечатление, что не обязательно принимать св. Крещение или быть членом Церкви, достаточно лишь молиться мученику Уару. Такое отношение к почитанию св. мч. Уара недопустимо и противоречит нашему церковному вероучению». Указ. Соч. С. 33.

Третья заповедь

Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно

В обыденности имя Божие оборачивается иногда в рассеянное направление этикетных обращений: «воля Божья», «милостью Божьей», «помощь Господа»... Прежде чем человек успевает сформироваться в церковной жизни, нащупать свой путь жизни во Христе, найти свое служение, (а жизнь всякой без исключения личности в Церкви есть прежде всего служение), он усваивает поверхностное и внешнее: стиль поведения, тон общения, способы общежительства, некоторые характерные манеры, жесты, слова... Это внешнее обычно называется «навыками благочестия». В зависимости от темперамента личности и температуры окружающей среды благочестие остается или просто формой, наиболее естественной и приемлемой при христианской деятельно-

[1] Фудель С. И. У стен Церкви. Указ. Соч. С. 121.

сти, выражаемой глаголом «святить» («Бога святите в сердцах ваших» (1 Пет. 3, 15)). Или может превратиться в бездумный ритуал, являя собой под видом сугубого благочестия церковный вариант охранительного магизма. Только вместо сплевывания через плечо и постукивания по дереву здесь будет говориться через слово «Бог даст» (чтобы ненароком не сглазить), «как батюшка благословит», «Господи помилуй», «спаси вас Господи». Вроде бы, все в высшей степени благочестиво, но если посмотреть контекст, скажем, обычный житейский разговор о погоде или мелкую приходскую свару, — и если бы при этом существовал особый электронный счетчик, фиксирующий частоту употреблений всуе имени Божьего, — он бы просто перегорел.

«Воля Божья», «спаси Господи» или «помоги Господи», действительно высокие наречения и пожелания, стерлись в бытовом обиходе до каких-то ничего не значащих присказок. Это такие благочестивые штампы, заполняющие пустоту, когда нечего сказать, долженствующие манифестировать постоянную причастность их (всуе говорящих) к особому избранному «деланию». На практике же они обычно являются психологическим выявлением крайнего своеволия и гордыни — в поступках, в мнениях, в направлении деятельности.

Четвертая заповедь

Помни день субботний
(*в Новом Завете, в память Воскресения Христова, празднуется воскресенье*), **чтобы святить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — Господу Богу твоему**

Формально следовало бы сказать, что грехи против четвертой заповеди по списку суть следующие: редкое хождение в церковь; неупотребление свободного времени на чтение духовных книг; занятие в святые дни нескромными играми; занятия домашним хозяйством; нехристианское празднование именин; торговля по воскресным и праздничным дням; посещение театральных зрелищ; привычка долго спать в воскресный день[1]... Вроде бы, все правильно в этом или в других аналогичных перечнях «грехов», но от чего-то вызывает раздражение? Чтобы *святить* день воскресный — суть не в том, чтобы не пойти в театр, или не помыть полы, или не выспаться как следует. Можно не пойти ни на именины, ни в театр, но при этом нисколько не *о-святить* воскресенье. «Святить» близко к тому, чтобы оказывать почитание, родственное — почтению, уважению. Однако хоть и близко, но не то, потому что «уважение» — всего лишь хорошее слово из обыденной трехмерной реальности. А слово «святить» — имеет измерение бесконечности, оно осуществляется в на-

[1] Пользуюсь как источником современной перепечаткой с дореволюционного издания: Прот. Василий Михайловский. Полная исповедь. — СПб., 2003.

правленности ко Творцу Вселенной — Богу: «Да святится имя Твое» (Мф. 6, 9); «Бога святите в сердцах ваших» (1 Пет. 3, 15). «Святить» — значит прославлять, возвеличивать, возносить благодарение и хвалу («Хвалите имя Господне»). Воскресенье — это символ дня-акта, дня-события вне времени и пространства, увенчавшего творение мира и нас. Мы сотворены Богом и святим это Деяние и Дар нам. Воскресенье — это день Торжества Искупления, и мы святим в этом дне как дар Творения, так и дар Искупления. Воскресенье для каждого из нас — это день-образ, день-икона, тот самый дорогой сердцу день возвращения блудного сына к отцу, не зря называемый «малой пасхой». И он, день воскресный, действительно — пасха, исполнение обетования, центр, к которому восходит окружность прожитой недели (седмицы по-церковному), — как же его не святить? И если этому пониманию, а лучше — сердечному ощущению, не позволять померкнуть, а помогать прорасти как можно глубже (в чем настоящая задача настоящего *воцерковления*) — то окажется неуместным все то, что относится справедливо к перечням грехов против воскресного дня. Неуместным не по закону, а по любви. И грех — если это грех, то не против закона, а против той самой Любви, что когда-то привела сына к отцу, и еще большей против той, что заставила отца бежать навстречу, когда он был еще далеко (Лк. 15, 20). И как неуместным окажется одно, то, напротив, — незаменимым, ничем иным не восполнимым, *насущным* окажется желание непременно быть в этот день в церкви, в церковном собрании — в соучастии в таинстве евхаристии, в со-причастии Христу Богу.

День воскресный надо святить не между двумя чашками утреннего кофе и не умозрительно, в теоретических рассуждениях. Если это желание не связано с сердечным настроем, то оно не связано ни с чем. Особенно это важно в отношении к детям, что отмечает в одной из своих работ прот. Александр Шмеман: «Посещение церковных служб должно быть с самого раннего детства дополнено домашней атмосферой, которая предваряет и поддерживает церковное настроение. Возьмем, например, **воскресное утро**. Как ребенок может ощутить святость этого утра и всего того, что видит в церкви, если дом наполнен шумом радио и телевидения, если родители курят и читают газеты, если царит чисто житейская атмосфера? Перед церковной службой должно быть состояние «собранности», некая тихая серьезность в доме. Лампады зажжены перед иконами, надеты чистые праздничные одежды, комнаты прибраны — так часто родители не дают себе отчета в том, что такая обстановка формирует религиозное сознание детей, накладывает отпечаток, который никакие будущие треволнения не изгладят. Накануне и в день церковного праздника, во время поста, когда мы готовимся к исповеди и причастию — дом должен быть отражением Церкви, должен освещаться тем светом, который мы выносим со службы»[1].

[1] Шмеман Александр, протопресвитер. Литургия и жизнь: христианское образование через литературный опыт. М., 2002. С. 19–20.

Пятая заповедь

Почитай отца твоего и мать твою

У Райнера Мария Рильке есть такие стихи:
Вдруг на закате, встав из-за стола,
отец, бросая дом, спешит, спешит:
там на востоке дальний храм стоит.

А дети плачут, словно смерть пришла.

Но тот, кто дома встретил смерти ночь,
Живет в вещах, почти как прежде жил.
Тогда навек уходят дети прочь
в тот дальний храм, который он забыл.

(Из **«Книги Богомолья»**.
Пер. с нем. *В. Клеваева*[1])

В словаре Владимира Даля «почитать», «почитанье», «почтенье» определяется как — *признавать, принимать, оказывать уваженье, честь и чествование, как чувство и как проявленье и внешнее оказательство*. В иных случаях это основанное на любви и взаимопонимании чувство естественно проистекает в отношении детей к родителям. В других это тяжкий крест для детей или родителей. Родители могут представлять не только в глазах своих детей, но и на самом деле — отрицательный пример прожитой жизни, ошибку, неудачу. Им нечего передать своим детям, нечего завещать, кроме, может быть, разочарования. И хотя глупо отрицать значение материального наследства, но оно не может перевесить наследство добра, любви и во главе всего — веры, которую передают родители своим детям. Христианство открывает нам немало таких прекрасных примеров: святая Моника, мать блаженного Августина, святые Кирилл и Мария, родители преподобного Сергия. Удивительная жизнь Ульянии Осорьиной (по церковному именованию, св. Иулиании Лазаревской, Муромской; память 2/15 января), исполненная нелицемерной любви к ближнему, подвигла ее сына Калистрата на написание жития своей матери. Кенотическая святость блаженной матери Марии (Скобцовой), недавно причисленной к лику святых Вселенским Патриархом, привела ее сына Юрия вслед за ней к мученической кончине в фашистском концлагере. В последнем письме, незадолго до смерти, он писал: «Я абсолютно спокоен, даже немного горд разделить мамину участь. Обещаю Вам с достоинством все перенести»[1].

[1] Рукопись. Архив автора. В. М. Клеваев (1944—2002): поэт, искусствовед, переводчик.

«Услуживая родителям, — писал шестнадцатью веками ранее св. Григорий Богослов, — думал я исполнить угодное Тебе и законам Твоим, Царь мой Христос; потому что Ты, Блаженный, даруешь детей смертным, чтобы имели в них помощь и ими, как жезлом, подпирали дрожащие члены. А из всех, которые чтут Тебя, мои родители особенно заботятся о благочестии; избегнув опасности скорб-

[1] Сергей Гаккель. Прот. Мать Мария. М., 1993. С. 149.

ной жизни, они привязали корабль свой к Твоим чистым заповедям. Ты для них начало и конец»[1].

В заповеди «почитай родителей» нет условий «если», при которых следовало бы почитать и при которых не следовало. Нравится — почитай. Не нравится — все равно почитай. Почитай и все. Так должно, так следует, *«чтобы продлились дни твои на земле»*. Никаких усилий не требует следование этой заповеди, если между детьми и родителями присутствует отношение любви. И если нет открытого чувства и нежности, а есть более сдержанное ощущение взаимной привязанности, благодарности. И если взаимосвязь эта просто понимание кровного подобия, родового продолжения. И если никаких чувств не сохранилось, все они выцвели под действием времени и обстоятельств, и осталось одно умственное понимание — «они мои родители». И когда связывает одно лишь терпение — и оно почитание, все еще почитание. Бывает почитание жестокое, опутанное условиями, договоренностями, границами. Бывает мелочное — с придирками и укоризнами. Бывает выматывающее душу, когда дети и родители повисают друг на друге, одни не в силах оторваться, другие не в силах отпустить. Бывает почти никакое, случайные воспоминания, — «как там старики, живы?»

Воплощение земного ада, смерть Христа, победа дьявола там, где дети проклинают своих родителей, бьют, гонят на улицу, убивают. Но есть тихие победы дьявола на невидимом фронте бытия. Когда

[1] Св. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. Троице-Сергиева лавра, 1994. С. 54—55.

со смертью родителей исчезает в сердцах детей память о них и не теплится молитва. На них исполняются слова Христовы: «Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23,38).

Шестая заповедь

Не убивай

В детстве одна немолодая женщина, подруга моей мамы, рассказывала случай. Она лежала в больничной палате после серьезной операции. Было зима, ночью ударил особенно сильный мороз. Под окнами ее палаты плакала оставленная кем-то кошка. Женщина была слишком слаба, чтобы подняться с постели и помочь ей, поэтому просто лежала и слушала, как кошка умирала от холода.

Когда еще совсем ребенком я услышал эту историю, она несколько дней не выходила у меня из головы. Для впечатлительной детской души, еще чуждой настоящего греха, переживание страданий несчастного существа были столь невыносимым, что хотелось умереть самому.

Иисус Христос — Богочеловек — воспринял все человеческое: тело, душу, ум, чувства. Всю природу человека, говорится в учении о Богочеловечестве Христа, кроме греха, и следовательно, —

и способность страдать, и страдание, и боль. Он страдал на Кресте, и невыносимая мука исторгала из Него кровавый пот в молении о чаше в Гефсиманском саду. — Мне страшно вообразить невыносимую эту меру Божьего умаления. Если ребенок (говорю не о себе, а о присущем всем детям и настоящим поэтам даре кратчайшего промежутка между впечатлением и восприятием) почти умирает от сострадания к замерзшей кошке, то как должен Христос — не ребенок, но бесконечно чище и восприимчивей ребенка, — переживать зло этого мира! Не абстрактное зло вообще, а ежеминутное, непрестанно творимое зло каждого — за каждого, и за того, кто совершает, и за того, над кем совершается. Люди, приближаясь к святости, получают дар слез за мир — чем другим еще они могут разделить Крестную жертву Спасителя, как не самым сокровенным, сердцевинным в богоподобии?

Заповедь «не убивай» — что означает, понятно каждому. И понятно, что — не убивай ни прямо, ни косвенно. Не убивай, в том числе, и надежды, и прекрасные порывы, и добро, и веру... Не убивай ненавистью, глупостью, леностью, равнодушием... Но вся эта обширная, как диаметр нашей планеты, окружность «не убий» сходится в конечном счете к одной единственной точке: не убивай Бога. Убивая другого, убивая себя или убивая нечто в других и в себе — все равно убиваешь Бога.

И еще: жить в Церкви и быть «слегка» христианином нельзя. Жить в Церкви, чтобы быть «немного лучше» («возвышеннее», «светлее»), — не имеет смысла. — Лучше записаться на какие-нибудь курсы. Жизнь в Церкви, если она начинает быть взаправду, — означает быть все хуже и хуже. Путь веры означает, что рука твоя поднялась и начинает безжалостно стирать с твоего лица слой за слоем личины себя — себя неплохого, себя хорошего, доброго, отзывчивого, умного, сложного, необыкновенного, неординарного, ироничного, чуткого, любящего, милосердного, ранимого, одинокого, доверчивого и прочее, и прочее...

В «Воспоминаниях» замечательного богослова и православного писателя С.И. Фуделя приводится один случай из судебной практики XIX века: «Деревенская девочка возвращалась после пасхальных каникул из дома в школу и несла с собой немного денег, корзиночку с домашними пирогами и несколько штук крашеных яиц. На дороге ее убили с целью ограбления. Убийца был тут же пойман, денег у него не нашли, пироги были съедены, но яйца остались. На случайный вопрос следователя, почему он не съел и яйца, убийца ответил: «Как же я мог? Ведь день был постный».

За спиной этого человека, пишет Фудель, ясно видны звенья длинной, уходящей в века. Оказывается, что можно числиться в Церкви, не веря в нее, можно считать себя православным, не зная Христа, можно верить в посты и в панихиду и не верить в загробную жизнь и в любовь»[1].

[1] Фудель С. И. Указ. соч. С. 56.

Седьмая заповедь

Не прелюбодействуй

Рассуждения на тему прелюбодеяния неизбежно отдают морализаторством, чего бы не хотелось. С другой стороны, мы сами делаем из взаимоотношений мужчины и женщины мрачный триллер на тему греха, где «плоть моя зле беснуется». В «Вопрошании Кирика», новгородском церковном памятнике XII века, в вопросах священника, обращающегося за разъяснением недоумений к епископу, лежит представление, что супружеские отношения — только терпимое зло. Епископу приходится терпеливо напоминать своим клирикам элементарную истину, что «в своей жене нетуть греха», что «ни в грех положена своя жена». У Саввы, женатого священника, является знаменитый вопрос владыке: «аще случится плат женский в порт вшити попу, достоит ли в том служити порте?» Своим ответом владыка вскрыл тайную мысль духовника о нечистоте женщины: «разве жена погана?»[1] Мудрый епископ, даже будучи монахом, удерживает вопрошающего клирика от ригоризма внешнего понимания чистоты-нечистоты. Когда где-нибудь на катехизаторских беседах или на воскресных занятиях для взрослых поднимается тема сексуальных отношений (как правило, со стороны слушателей, у которых всегда бывает багаж неразрешенных недоумений), мы, живя по-мирски,

[1] Смирнов С. Проф. Древнерусский духовник. М., 1913. С. 118, 120.

будучи мирянами и семейными людьми, в колее нашего уставного благочестия рассуждаем об этом невероятно тяжеловесными и туманными речениями в духе: «Помышляй всегда, чадо, что постель твоя — гроб твой»[1] и т. д.

Невнятность порождает невроз и манию греха во всем, что именуется сферой половых взаимоотношений. Иногда по этому поводу удается высказать нечто существенное, как это делает С. С. Аверинцев — один из редких христианских мыслителей, обладающий даром накидывать словесную сеть на самую суть вещей: «Христианское учение о плотском естестве человека — сплошная проза, разочаровывающая романтиков. Христианская интуиция говорит, что тут все вовсе не так радужно — однако и не так безнадежно. Даже в самом лучшем, самом благополучном случае остается насущная нужда в очищении и освящении. Даже в самом тоскливом случае путь очищения не может быть окончательно закрыт. Природа человека испорчена грехом, она именно испорчена, а не дурна изначально. Грязь, как известно, — это субстанция не на своем месте; к реальности пола это приложимо до того буквально, что и не решишься выговорить. Зло безбожной и бесчеловечной похоти — это зло духовное, а не сущностное, оно укоренено в "самости", в эгоизме, в ложном выборе, а не в онтологических структурах. Как указывал в свое время К. С. Льюис, для христианина нет какой-то особой сексуальной этики — есть просто этика, единая и

[1] Шевелев-Наседка Иоанн. Прот. Сын Церковный. СПб., 1994. С. 36.

неделимая: скажем, супружеская неверность дурна потому же, почему дурно всякое вероломство по отношению к доверившемуся. Нельзя лгать, предавать, нельзя самоутверждаться за счет ближнего, нельзя увлекаться эгоцентрическим самоуслаждением, все равно, собственно плотским или душевным, — в этих отношениях, как и в любых других. И если Синайское Десятословие все же выделяет "не прелюбы сотвори" — в отдельную заповедь, то это потому, что в случае прелюбодейства поселившаяся в душе ложь растлевает и тело, то есть с особой, уникальной полнотой заражает все психофизическое существо человека сверху донизу. Блуд есть великий грех души против тела. "Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела", — говорил апостол Павел (1 Кор. 6, 13). Именно высокое достоинство тела — для него верховный аргумент против допустимости блуда. <...> Человек устроен вертикально. Прямохождение, столь характерное для человеческого естества, со знаменательностью иконы возносит чело и очи — над более чувственными устами, лицо в целом — над грудной клеткой, сердце — над тем, что Бахтин назвал «телесным низом». Нижнее не отвержено, не проклято; но оно должно быть в послушании у высшего, должно знать свое место. Этот принцип сам по себе характеризует не то чтобы христианскую этику, а попросту человеческую этику; человек достоин своего имени в такой мере, в какой подчинил свое тело — своему духу, своему уму, своей воле и совести. С христианской точки зрения, серьезность блудных, нечистых помыслов и состояний, при которых плоть бунтует против духа, обусловлена в основном их значением как симптомов. Когда человеческий дух берет, так сказать, не тот угол по отношению к своей горней цели, когда духовная жизнь заменяется самоутверждением, самоуслаждением и самообманом (на аскетическом языке — "прелестью") — особенно велико вероятие, что воля внезапно спасует перед самым пустым, самым вздорным, самым низким "хочется"; в том числе у человека, которого все, включая его самого, привыкли считать просто не способным ни на что подобное. В повести Льва Толстого тот самый отец Сергий, который отрубил себе палец, чтобы не впасть в блуд, уступает самому тривиальному соблазну — но лишь после того, как подвижничество стало фальшью, заросло "славой людской"»[1].

Восьмая заповедь

Не укради

В обыденности сплошь и рядом расставлены явные и неявные силки. Не какой-нибудь выдающийся аферист и международный махинатор, а среднестатистический гражданин, в силу прису-

[1] Аверинцев С. С. Брак и семья: несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи. Цит. по электронной версии: www. Портал-Credo.Ru.

щей ему естественной человеческой порядочности, редко совершает грех, проступок, зло — не обусловленные каким-нибудь оправдательным мотивом. Если человек ворует, то, как правило, под предлогом: «нечего есть», «мало платят», «ради детей» или «государство само меня обворовало», «все воруют»... Невозможно говорить обо всех людях, я обращаюсь здесь преимущественно к верующим христианам: не поддавайтесь соблазну украсть, даже если возможность что-нибудь «увести» представляется беспроигрышной. Разве Бог забыл о вас хоть на мгновение? Или вы ищете чего-то другого, а не Промысла Его о вас? Он не грозит пальцем с неба — не воруй! Он просто ведет любого из нас, кто готов за Ним идти, по кратчайшей дороге ко спасению. Мы же то и дело норовим вырваться и убежать в ближайшее непролазное болото. Сколько потом времени уходит, чтобы вылезти из него и отмыться от грязи, и это еще если повезет!

Некоторые пришли к Церкви в последние годы, уже здорово наворовав, имея немалый или очень большой капитал, нажитый нечестным путем, что им скажешь? — Вот, рядом всегдашний пример начальника мытарей Закхея (главного сборщика налогов, как сказано в Евангелии: «человека богатого») — «Господи! Половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк.19, 8).

Кстати, благотворительность — не блажь богатого дяди «спонсора», который, на минуту расчувствовавшись, что-то «отстегивает» — на церковь, на монастырь или бездомным сиротам. У апостола Павла это одно из благодатных служений в

мире: «Увещеватель ли, — увещавай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием» (Рим. 12, 8). То есть и самим благотворителем благотворение должно переживаться соответственно — как служение по благодати.

Девятая заповедь

Не произноси ни на кого ложного слова

Далеко не в самые, по выражению Ахматовой, «вегетарианские» времена для Церкви и общества, на излете сталинской эпохи, когда государственная власть вполне буквально «ела людей», от имени святейшего патриарха Московского (тогда это был Алексий I (Симанский)) исходит для последующего распространения по епархиям удивительный, можно сказать, в высшей степени христианский документ за № 1275: «от святейшего патриарха по поводу обилия поступающих отовсюду анонимных, т.е. неподписанных или подписанных вымышленным именем, доносов на духовенство или членов испол.органов. Не говоря уже о том, что само по себе наличие доносов, по признанию св<ятейшего> патриарха, — явление нездоровое,

свидетельство о нездоровой атмосфере в приходских семьях, оно (доносничество) всегда несет в основе не идейную подкладку, исходя от лиц, уязвленных отречением их от выгодных мест. Так как клевете, сплетням и доносам не место в Церкви, то св<ятейший> патриарх приказывает объявить всюду по приходам, что все такого рода (анонимные) доносы и жалобы будут оставаться без последствий...»[1]

В просторечии девятая заповедь означает — не ври, не обманывай. В том числе: не перекладывай своей вины на других; не занимайся доносительством; не пиши анонимок; не ябедничай; не наушничай; не разноси сплетен; не распространяй недостоверных и непроверенных сведений; не выдавай чужих тайн; не разглашай чужих пороков; не получай удовлетворения от клеветы одних на других; не лицемерь перед сильным... К лжесвидетельству можно отнести и нередко наблюдающуюся тягу к преувеличением, к выдумыванию удивительных случаев, историй о собственных похождениях... Можно и злую, язвительную иронию; цинизм в действиях и словах; унижение людей, которые ниже тебя по положению и находятся в твоей власти; презрение к «неудачникам», нищим, бездомным, «инородцам»... А также тягу к всевозможным «чудесам», «откровениям», «тонким видениям», не удостоверенным опытом Церкви. Сюда же можно отнести и

[1] Приказ архиепископа Ярославского Димитрия № 2426 от 17 августа 1949 года. Архив автора.

расовую, религиозную нетерпимость; уничижение других вероисповеданий; намеренное перевирание основ вероучения.

Какое широкое пространство для самосовершенствования открывается каждому из нас в объеме девятой заповеди! Какое это высокое достоинство — жить не по лжи (как называлась одна статья А. И. Солженицына). А как «жить не по лжи»? — По любви, «ибо заповеди: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого», и все другие заключаются в сем слове: «люби ближнего твоего, как самого себя»» (Рим. 13,9). Потому что любовь, как мы выше цитировали слова апостола: «не мыслит зла, не радуется неправде, а радуется истине» (1 Кор. 13, 6). В лжесвидетельстве есть ключ, открывающий это двусоставное слово «лже-свидетельствование». Свидетель (гр. Martyros) означал у ранних христиан мученика, отдавшего жизнь за веру. Мученик, высшая степень христианского подвига, является *свидетелем веры* — ее доказательством, собою, на себе свидетельствуя истинность Христова учения. Продолжая ту же цепь рассуждений, можно сказать, что он, мученик, свидетель Христа — перед миром и против дьявола, который «лжец и отец лжи» (Ин.8, 44). И мученик, прежде всего свидетель любви Бога: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного» (Ин. 3, 16).

Кто же тогда есть противоположность святого мученика — лжесвидетель? И как страшно, если человек лжесвидетельствует всей жизнью своей...

Десятая заповедь

Не желай ничего чужого и никому не завидуй ни в чем

Зависть, если вдуматься, это патология души в чем-то подобная самоубийству. Самоубийца просто вычеркивает себя из наличия в бытии, не желая что-либо перенести или с чем-то смириться. Завистник тлеет в том же состоянии, оставаясь внешне живым и здоровым. Зависть — какая-то особенно нечистая, едкая страсть. Она не «хуже», скажем, блуда, но бьет как-то особенно жестоко по самому сокровенному и сбрасывает с пьедестала, на котором мы с таким трудом утвердились. Зависть это такой внутренний «неприкасаемый запас» гордости. А гордость, гордыня, как говорят св. подвижники, — мать всех грехов. Наверное, поэтому заповедь о зависти заключает все Десятословие.

Заповеди, данные Господом Моисею на горе Синай, устанавливают этические нормы отношения к Богу и к человеку. Эти твердые правила жизни и еще не вполне добровольная клетка, в которую однако человек должен был добровольно поместить себя ради собственного блага и блага других. Этот закон хождения под Богом был непреложным, пока не исполнился в Другом — во Христе; «закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою» (Гал. 3, 24), — «Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога... И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 19-20). В конечном счете, все десять заповедей Божиих, как по мере сил мы пытались выразить сквозной темой, заключаются и раскрываются двумя "Возлюби": "возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим; и ближнего твоего, как самого себя": иной большей сих заповедей нет»» (Лк. 10, 27. Мк. 12, 31).

Содержание

Наш адрес: *г. Москва, Волгоградский пр-т, д. 43.*
Телефоны: 540-18-73 (многоканальный);
8-916-637-70-94, 505-74-95
Адрес в Интернете www.slavamir.ru

Отпечатано с диапозитивов АНО «Развитие духовности, культуры и науки» в типографии АО «Молодая Гвардия»
Формат 84x108/32. Объем 1 п. л. Печать офсетная. Гарнитура Journal.
Бумага газетная. Заказ 43546 Тираж 30 000 экз. Подписано в печать 23.03.2004 г.
Адрес АО «Молодая Гвардия»: 127994, Москва, Сущевская, 21.
Адрес АНО «Развитие духовности, культуры и науки»: 107066, г. Москва, Новорязанская ул., дом 26, стр. 1.
Качество печати соответствует качеству оригинала.